

Когда Сюй Аньхэ прибыл в усадьбу, ночь уже была глубокой. Пронизывающий холодный воздух снаружи заставил даже этого двадцатилетнего юношу дрожать.

Управляющий дядя Чэнь улыбнулся и сказал:

— Младший господин, горячая вода и еда уже давно готовы. Глава долго вас ждал.

Сюй Аньхэ, войдя в комнату, ловко снял с себя промокший от снега меховой плащ и нахмурился:

— Третий брат еще не спит?

Дядя Чэнь ответил:

— Глава в последнее время поздно ложится.

Сюй Аньхэ сказал:

— Нужно приготовить успокаивающие блюда, чтобы третий брат мог раньше засыпать. Скоро зима, и нужно особенно следить за его холодовой болезнью.

Дядя Чэнь утвердительно кивнул и уже собирался уйти, как вдруг вернулся слуга, посланный сообщить главе о прибытии младшего господина:

— Глава уже лег спать.

Сюй Аньхэ подумал, что третьему брату редко удается так рано отдохнуть, и произнес:

— Тогда завтра я пойду навестить его.

Дядя Чэнь согласился и удалился.

В главном особняке усадьбы Сюй огни уже погасли, только снаружи мерцали редкие фонарики. Однако в комнатах не было покоя.

Сюй Аньгэ не любил, чтобы кто-то находился рядом с ним во время сна, поэтому в его спальне обычно не было слуг. Но в темноте можно было разглядеть, как кто-то прижал его к кровати, удерживая руки, их тела плотно соприкасались.

Сюй Аньгэ открыл глаза в темноте, его взгляд был пустым, губы сжаты, а на лице читалось раздражение. Он изогнулся, пытаясь освободиться и оттолкнуть мужчину ногой, но тот крепко прижал его к себе, не давая двигаться. Мужчина не обращал внимания на сопротивление Сюй Аньгэ, продолжая наступать. Их губы переплелись, казалось, это была близость, но в движениях не было ни капли нежности — один атаковал безжалостно, другой защищался решительно.

После нескольких таких обменов ударами Сюй Аньгэ даже слегка покраснел, на его обычно бледных щеках выступил легкий румянец — хотя неизвестно, от натуги это было или от гнева.

Сюй Аньгэ, наконец, сдался, и мужчина ослабил хватку.

Как только его отпустили, Сюй Аньгэ саркастично произнес:

— Ты тоже хочешь оглохнуть и стать калекой, как я?

Он редко говорил с Мэн Ин так резко, но в сердце все еще оставался осадок.

Темные дела, связывавшие его с Мэн Ин, начались много лет назад после той сумбурной ночи. Оба вели себя распушенно, и не могло быть и речи о принуждении. Обычно Сюй Аньгэ был готов на подобные безумства с Мэн Ин, но здесь, в усадьбе Сюй, он не мог позволить себе этого, особенно — когда перед ним был Мэн Ин.

— Не отпущу... — голос Мэн Ин был низким и хриплым. Он понизил его еще сильнее. — Разве, если бы я отпустил, ты был бы счастлив?

Сюй Аньгэ, выравнивая дыхание, услышал слова Мэн Ин и слегка замер, не желая ничего больше говорить. Его взгляд был рассеянным, словно легкие облака на горизонте, которые невозможно ухватить.

Мэн Ин крепко обнял Сюй Аньгэ, его пальцы коснулись растрепанных волос. За эти годы его тело стало слабее, и некогда мягкие и шелковистые черные волосы потеряли былое послушание, став жесткими и ломкими на ощупь.

Мэн Ин долго молчал, обнимая Сюй Аньгэ, но вдруг услышал, как тот тихо сказал:

— Пойдем в другое место.

Мэн Ин не ответил, но быстро начал действовать.

Он нашел в комнате меховую одежду и закутал в неё Сюй Аньгэ, подумав немного, передал ему немного внутренней силы, чтобы согреть тело, а затем, используя искусство легкости, взял человека на руки и помчался в гостиницу, где остановился.

Охрана в усадьбе Сюй была неплохой, но вошедшим оказался Мэн Ин. Его мастерство боевых искусств и искусство легкости в Поднебесной мало кому уступали, поэтому в усадьбе Сюй никто не смог бы его перехватить.

В номере гостиницы еще горел серебряный уголь. Этот уголь был редким и ценным, его преимущества были уникальны: маленький кусочек мог гореть всю ночь, не выделяя дыма, и не нужно было опасаться угорания, что случалось с обычным углем.

Мэн Ин положил Сюй Аньгэ на кровать и на мгновение зажег огонек. Тусклый свет слегка дрожал, добавляя полумраку комнаты еще больше интимности.

Глаза Сюй Аньгэ не видели ничего, он мог лишь смутно ощущать свет и тьму. Например, сейчас он чувствовал, что по диагонали впереди зажгли свет. Сюй Аньгэ невольно повернулся в ту сторону, его бледные зрачки, поймав отсветы, казались прозрачным нефритом, а кожа в свете очага сияла мягким теплым блеском, словно он был фигурой с древней картины прекрасной женщины.

Мэн Ин повернулся, его резкие брови выделялись на лице. Он молча разглядывал человека, сидевшего на его постели, и чувствовал, как в груди разгорается жар.

Думал он так: этот человек сейчас мой.

Мэн Ин наклонился и коснулся губами лба Сюй Аньгэ. Свет был загорожен широкой спиной Мэн Ин, на стене появилась огромная тень, накрывшая кровать.

С этого момента пламя разгорелось, и его уже невозможно было остановить.

Зимний очаг словно поджег всю комнату, жар становился всё невыносимее, волны тепла накатывались на Сюй Аньгэ одна за другой, не утихая. В его сознании осталось мало мыслей, лишь смутно он слышал, как кто-то шептал ему на ухо:

— Ты любишь меня?

Он не успел ответить, да и не хотел, поэтому больше не услышал этого вопроса.

В тот день Врата Мошу устроили в усадьбе Сюй пышную церемонию совершеннолетия младшего господина, пригласив героев со всего Поднебесной.

Гости, прибывшие на приглашение, передавали свои карточки у входа, а люди из Врат Мошу внимательно проверяли их и вводили в усадьбу. В этот день охрана усадьбы Сюй была строже, чем когда-либо, ибо все знали, что это не просто церемония совершеннолетия, но и ритуал передачи власти в школе.

Поскольку род Сюй был малочислен, а старшее поколение уже покинуло этот мир, остались только братья Сюй Аньгэ и Сюй Аньхэ, поэтому некоторые ритуалы, которые обычно проводились старшими, пришлось доверить другим. Сюй Аньгэ выбрал для этого старого друга, человека, который в прошлом был весьма известен в мире боевых искусств — Шэнь Шаня.

Шэнь Шань был близким другом покойного отца Сюй Аньгэ, Сюй Софэна. Двадцать лет назад они вместе странствовали по Поднебесной, прославившись своим мастерством владения мечом. Однако прошли двадцать лет, вещи и люди изменились, и новое поколение героев уже забыло об этом ушедшем в тень мастере.

Шэнь Шань спас одну из главных реликвий Врат Мошу, «Канон Небесного Центра», во время того самого пожара в усадьбе Сюй двадцать лет назад и вернул её Сюй Аньгэ, когда тот воспользовался хаосом в Шаояне, чтобы сбежать, тем самым помогая ему возродить Врата Мошу. Хотя другая реликвия, меч Сихэ, так и осталась утраченной, Шэнь Шань сделал всё, что было в его силах.

После гибели семьи Сюй Шэнь Шань тайно помог собрать группу мастеров Врат Мошу, и именно благодаря этой базе Сюй Аньгэ смог вернуть школе былую славу.

Сюй Аньгэ был одет в черное robes, поверх которого был накинут белый меховой плащ. Вышивальщицы каким-то образом создали на ткани скрытые узоры, которые при ходьбе и движении рук вспыхивали незримыми узорами.

В последние годы погода становилась всё более странной, год от года становясь всё холоднее, но даже в начале зимы вряд ли кто-то, кроме Сюй Аньгэ, надевал сразу всю зимнюю одежду. Однако даже в этом ощутимо более теплом, чем у других, наряде он всё равно время от времени кашлял, словно не мог переносить холод.

Врачи, постоянно следовавшие за Сюй Аньгэ, были в отчаянии, Сюй Аньхэ тоже часто хмурил брови, уговаривая его меньше трудиться и больше отдыхать. Во время своих путешествий он отправлял Сюй Аньгэ различные редкие лекарства один за другим, но сам Сюй Аньгэ не считал это чем-то важным.

Его тело давно пришло в упадок, а в последние годы это даже сказалось на его мастерстве боевых искусств, которое начало падать. Из-за этого его здоровье становилось всё хуже, словно

это был порочный круг, из которого нет выхода.

В день церемонии атмосфера была торжественной и строгой.

Однако Сюй Аньгэ почти не помнил сцену того дня. Возможно, потому, что он ждал этого слишком долго, и когда момент наконец настал, это казалось сном.

Солнце поднималось little by little, и наконец настало время самого важного.

Гости внизу замерли в тишине, Шэнь Шань на сцене возложил на голову Сюй Аньхэ черную шапку из ткани, символизирующую совершеннолетие.

— В этот благословенный месяц и благоприятный день ты впервые надеваешь шапку взрослого. Оставь свои детские намерения, следуй добродетели зрелости. Да будут долгими годы твои и великой удача...

Сюй Аньгэ сидел в стороне, на лице застыла легкая улыбка, но его пустой взгляд был устремлен в даль.

У автора есть что сказать:

Активный партнёр: Мэн Ин, имя Чанцзин.

Пассивный партнёр: Сюй Аньгэ, имя Нинъюань.

Активный партнёр не является убийцей семьи пассивного партнёра, у них просто другие обиды.

После перерождения страданий больше не будет.

Реклама нового романа

«Поток актерского мастерства» — история о том, как главный герой постоянно закаляет свое актерское мастерство, рука об руку с агентом идет вперед, мир широк, и они покоряют вершину шоу-бизнеса.

Агент (Ци Фэн) × Актер (Чэн Нян).

Тем, кому интересно, можете зайти в профиль автора, спасибо всем!

<http://bllate.org/book/16553/1509333>